

УДК 159.92

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА ВЗРОСЛОГО В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ С ПОМОЩЬЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Зорина Виктория Ивановна

аспирант

Университет менеджмента образования

Украина, 04053, Киев, ул. Артема, 52-А

e-mail: psumata@ukr.net.

Статья посвящена проблеме влияния идеального образа взрослого на личностное развитие подростка. Представлены план её исследования и, частично, результаты. Описан процесс построения семантической факторной модели идеального образа взрослого и результаты её верификации. Подтверждено, что образ «идеального взрослого» служит ориентиром для развития подростка в направлении больших волевых проявлений, открытости, уверенности и доброжелательности. Из четырёх факторов эмпирически полученной модели один отражает волевые свойства, один — типичное эмоциональное состояние и два — социальные отношения. Делаются выводы об особенностях ментальной репрезентации образов себя, реального и идеального взрослых и эмоциональных переживаний на их основе.

Ключевые слова: идеальный образ; личностное развитие подростков; факторная модель; семантическое пространство.

Постановка проблемы. Формирование разнообразных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в основном детерминировано социально-экономическими условиями её жизнедеятельности. Когда трансформируется общество, ценностные ориентиры личности закономерно изменяются. Это приводит к появлению новых социальных норм и ценностей, правил и примеров поведения, идеалов для подражания. Именно идеальные образы, на наш взгляд, являются весьма показательными «узловыми точками», позволяющими изучать реформирование системы ценностей.

Теоретическая основа исследования. В представляемом исследовании понятие развития определяется с системных позиций как усложнение структуры, т.е. рост количества элементов и связей между ними при сохранении определенного уровня организованности. Ещё один аспект развития — повышение дифференцированности элементов. Она минимальна, если все элементы одинаковы, а развитие заключается в росте количества категорий, с помощью которых можно описать эти элементы. Третий аспект развития — рост интегрированности, т.е. возможности приспособлять внутреннюю структуру к внешним условиям. Она проявляется в адекватном гибком управле-

нии, центр которого находится в самой системе. На уровне поведения в психологии это принято называть саморегуляцией. Отсюда следует четвертый критерий — преобладание внутреннего аспекта саморегуляции над внешним. Ведь даже на уровне здравого смысла и из человеческой практики понятно, что внутреннее управление более эффективно. Обобщить все эти структурные критерии развития можно критерием функциональным — в развивающейся системе постоянно появляются новообразования, т.е. функционирование такой системы является творческим.

Таким образом, изменчивость внешних условий требует приспособления системы (организма, личности и т.д.) в направлении усложнения взаимодействия субъекта адаптации и внешней среды. Это обеспечивается структурным усложнением системы и ее функционированием на все более высоком уровне. С психологической стороны это связано с объемом параметров внешней среды, которые отображает психика. С.Д. Максименко отмечает, что любая система имеет лишь две альтернативы в приспособлении: развитие или деградацию, отдельным вариантом которой является «остановка» [6].

В психодинамическом подходе (З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм,

А. Адлер и др.) развитие личности трактуется как преодоление личностью внутренних конфликтов, возникающих при взаимодействии с социумом. При этом главной объяснительной категорией является психическая энергия в форме, прежде всего, иррациональных импульсов и потребностей и рассматривается перетекание этой энергии между частями психики, которые Фрейд определил как Ид, Эго и Супер-Эго. То есть основная структура в психодинамическом подходе задана изначально, а новообразования имеют лишь функциональный характер [11].

В бихевиорально-когнитивном подходе (Ж. Пиаже, Дж. Мид, Т. Кун, А. Бандура и др.) развитие личности — это рост эффективности функционирования. Учитывая, что главной категорией этого подхода является поведение и его внутренние детерминанты, развитие более конкретно определяется как расширение репертуара форм поведения. То есть предметом изучения является прежде первый из общих критериев развития, которые определены выше [2].

Гуманистически-экзистенциальный подход (К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл, Г. Олпорт, Ш. Бюлер, Э. Шостром и др.) использует как главную категорию самоактуализацию — развертывание наружу внутреннего потенциала. То есть делает акцент на четвертом из общих критериев [11].

Эти три подхода разрабатываются преимущественно в западной психологии. В отечественной можно выделить следующие направления.

Акмеологический подход (Б.Г. Ананьев, А.А. Реан, А.А. Бодалев, А.Н. Ткаченко, А.Л. Журавлев и др.) близок к гуманистическому и использует как центральное понятие акме — усложняющейся и адаптивной формы самоопределения своего места в среде и самоутверждения себя в нем как активной личности. То есть понимание личностного развития в акмеологическом подходе больше соответствует функциональному общему критерию активного творчества [2].

Сторонники субъективного подхода (С.Л. Рубинштейн, В.А. Татенко, К.А. Альбуханова-Славская, Л.Е. Орбан-Лембрик, Н.В. Чепелева, А.В. Брушлинский, Б.С. Братусь и др.) определяют как повышение субъектности, т.е. преобладание внутреннего над внешним в саморегуляции. Развитый субъект действует преимущественно на основе внутренних условий, при этом действия достаточно согласованы с условиями внешними, что также является функцией субъекта [2].

На наш взгляд, все эти подходы отражают важные аспекты проблемы развития, и каждый из них что-то дает для создания рабочего понятия развития в нашей работе. Но как основные, в наибольшей степени отвечающие всем общим критериям, мы выделяем культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского и его последователей и генетическую психологию С.Д. Максименко. На наш взгляд, они имеют гораздо больше общего, чем различного, хотя и не тождественны друг другу. С диалектической точки зрения любое противоречие снимается на более высоком уровне обобщения. Как такой уровень мы выделяем категорию деятельности — своеобразный мостик между двумя концепциями. Поясним этот тезис.

В генетическо-моделирующем подходе (Г.С. Костюк, П.Р. Чамата, С.Д. Максименко) личность понимается как система, источником активности которой является биосоциальная нужда. Самое важное то, что личность определяется как целостная система в процессе становления. Иначе говоря, без становления личности просто не существует. Формой же существования-становления является деятельность — активный процесс удовлетворения потребности (нужды) в постоянно изменяющейся внешней среде, при этом неизбежно трансформируется сам субъект [6].

С точки зрения культурно-исторической концепции в процессе своего развития человек усваивает содержание культурного опыта, приемы и формы культурного поведения, культурные способы мышления. При этом в развитии следует различать две основные линии. Одна — это линия естественного (биологического) развития, проявляется в процессах общего органического роста. Другая — линия культурного совершенствования психологических функций, выработки новых способов мышления, овладения культурными средствами поведения. Именно в деятельности обе линии приобретают диалектическую связь. Наиболее ярким примером, на наш взгляд, являются высшие психические функции человека, функционально близкие к познавательным процессам у животных, но несравненно более сложные структурно [3].

Таким образом, теоретическая основа данного исследования — это сочетание культурно-исторической концепции и генетически-моделирующего подхода на базе категории деятельности.

Обзор исследований идеального образа в подростковом возрасте

Современные психологи — М.И. Конюхов, Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко, В.Е. Давидович и др. — рассматривают идеал как образ, воплощающий совершенство; эталон; наивысшую цель стремления человека [4]. В подростковом возрасте усиливается стремление к осознанию своего бытия, поиск смысла и интереса в жизни, что воплощается и конкретизируется в идеалах. То есть проблема идеала для подростков является весьма актуальной, а её исследование может дать особенно ценные результаты — как для науки, так и для практики.

Кроме вышеупомянутых авторов понятие идеала и идеального образа освещали в своих работах Б.С. Гершунский, В.П. Зинченко, Т.М. Титаренко, В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский [1], К.С. Холл, Г. Линдсей; понятие идеала как проблему морали и изменения системы ценностей подростка — Г.В. Крайг, Д.Б. Эльконин, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн, Л.С. Выготский; проблему выбора идеала через призму идентичности — Э. Эриксон.

В возрастной и педагогической психологии изучением мотивационно-ценностной сферы личности подростка занимались М.И. Боришевский, И.В. Дубровина, О.О. Реан, Л.О. Регуш; социально-психологические особенности личностного развития подростков исследовали О.Ф. Бондаренко, З.С. Карпенко, С.Д. Максименко, В.О. Татенко, Т.М. Титаренко, В.А. Семиченко, Т.С. Яценко, И.С. Булах; проблема современного подростка в социуме обсуждалась В.В. Абраменковой; динамику ценностных ориентаций молодежи в быстроменяющихся социально-экономических условиях исследовала О.М. Журавлева; особенности детерминантного влияния молодежной субкультуры на социализацию учащейся молодежи — Л.М. Завацкая; теорию развития личности учащегося в учебной деятельности разрабатывал О.К. Дусавицкий, самоутверждение личности старшеклассника — предмет изучения Н. Сытниковой; формирование жизненных перспектив в ранней юности — Г.В. Рудь; психологические тенденции развития моральных ценностей в подростковом возрасте изучала Т.Л. Ткачук [1].

Подробнее опишем близкое нашему исследованию И.А. Сапоговой [8]. По её мнению, для современной педагогической психологии общепризнанными являются представления об ученике

как субъекте познавательной, учебной, трудовой деятельности и общения. То есть предполагается способность субъекта совершать сознательные действия и поступки, осуществлять самостоятельный выбор, планировать свою деятельность. В реальной же педагогической практике встречаются трудности реализации учащимися субъектной позиции. И.А. Сапогова предлагает объяснять их двумя группами причин: внешние, опосредованные процессом воспроизводства социальной структуры, и внутренние, продиктованные парадоксами взросления молодых людей.

Один из них — внутреннее восприятие и переживание образа взрослого человека, с которым идентифицирует себя ученик. Образ взрослого представляет собой сложное интегративное образование, отражающее содержание ценностно-смысловой сферы личности. Он включает представления о самом себе в настоящем и будущем, идеальный образ взрослого в контексте общественной и профессиональной деятельности и образ реального взрослого, который в той или иной степени соответствует идеальному образу.

И.А. Сапогова на основании своего исследования указывает, что большинство подростков испытывают острую потребность в нерегламентированном общении со взрослыми, которые составляют их ближайшее окружение. Идентификация с учителем характерна для подросткового и юношеского возраста, но носит разный характер на различных этапах развития. В частности, в среднем подростковом возрасте идентификация осуществляется с помощью механизма подражания и «заражения» учебным предметом. Соответственно образ взрослого в значительной мере идеализирован, а ведущими становятся инструментальные компоненты профессиональной деятельности. Это выражается, например, в том, что подростки «выбирают» ту же профессию, что и их кумир. В старшем подростковом возрасте происходит дифференциация представлений о себе и восприятие значимого взрослого становится более реалистичным. Подражание уступает место диспозиционным и атрибутивным смысловым механизмам. Для старшеклассников становится важным овладение атрибутами взрослого человека: способы разрешения жизненных и профессиональных проблем, стиль деятельности. Значимый взрослый для них становится компетентным не вообще, как в раннем и среднем подростковом возрасте, а в определённом контексте. Полное переживание чувства взрослости невозможно без принятия во взрослую среду, именно поэтому

юноши и девушки стремятся установить неформальные доверительные отношения со значимыми взрослыми [8].

Исследование И.А. Сапоговой показало также, что наиболее значимыми компонентами структуры образа «Я» старшеклассников являются Я-идеальное, Я-реальное, типичный учитель, идеальный взрослый, родители (мать/отец), идеальный ровесник. Уже само количество этих компонентов-ролей указывает на сложность процесса формирования образа «Я». Кроме того, ею обнаружено, что образ «типичного учителя» в семантическом пространстве для старшеклассников близок к образу «идеального взрослого» по таким параметрам, как креативность, способность помочь, «достойное место в системе общественных отношений». Те подростки, для которых эти образы близки, обнаруживают способность к социальным и профессиональным выборам, уверенно смотрят в будущее, достаточно адекватно оценивают свои возможности и соотносят их со своими интересами. То есть идеальный образ взрослого является для них ресурсом в самоопределении.

Подростки, в сознании которых образ идеального взрослого носит противоречивый характер, как правило, сталкиваются с трудностями реального профессионального выбора.

Результатами исследования И.А. Сапоговой мы воспользовались, в частности, для определения списка объектов, которые предлагали оценивать своим испытуемым.

Общий дизайн исследования. Изучение образа идеального взрослого было комплексным и основывалось на теоретической модели, созданной на основе генетическо-моделирующего подхода. Основная идея данного подхода заключается в трактовке личности как целостной структуры, существующей лишь в становлении. Таким образом, исследование должно быть многоаспектным и рассматривать динамику становления.

В соответствии с этими положениями исследование носило квазилонгитюдный характер — использовался метод срезов. Было протестировано более 270 киевских и донецких школьников-подростков, примерно равное количество по каждой из пяти возрастных градаций, от седьмого до одиннадцатого классов. Предполагалось, что сопоставление подростков на разных этапах становления позволит проследить динамику как личностного роста, так и содержания, структуры образа идеального взрослого как фактора и направления личностного развития, конкретнее — социализации подростков. Анализ связей количественных и

содержательных параметров образа идеального взрослого с остальными параметрами личностного развития даст возможность определить его роль. Параметры личностного развития выявлялись с помощью следующей «батареи» методик.

Известный тест «Диагностика межличностных отношений» был адаптирован к нашим задачам. Подросткам предлагалось с помощью одного и того же набора из 128 характеристик описать образы «Я-реальный», «Я-идеальный», «Реальный взрослый [человек своего пола]», «Идеальный взрослый».

Для диагностики субъективной близости к главным фигурам социального окружения использован субтест «Идентификация» из графической методики SSST (The Self Social Symbols Tasks). Фигуры были следующие: Учитель, Одноклассники, Мать, Отец, Идеальный взрослый.

Кроме того, испытуемым было предложено написать мини-сочинение о своей будущей взрослой жизни, структурированное следующей инструкцией: *«Пожалуйста, на этом листе опишите в форме мини-сочинения образ Идеального взрослого, каким (какой) бы Вы хотели бы быть через 15–20 лет: где тогда будете жить? Чем заниматься? Будете ли состоять в браке? Будут ли дети, сколько и какого возраста? К чему будете стремиться? Опишите то, что сами считаете важным».*

Контент-анализ этого сочинения производился по критериям, вытекающим из теоретической модели и основных положений психолингвистики. В частности, мы опирались на работы А.А. Леонтьева [5] и Д.Г. Трунова [10]. Количество слов и предложений и их соотношение — «средняя длина фразы» — считались показателем речевого развития. Другим показателем речевого развития была *«Грамотность-понятность»* по пяти градациям, от сочинения с орфографическими ошибками и невнятно выраженной мыслью до максимально чёткого изложения, полного ответа на вопросы инструкции, без орфографических и пунктуационных ошибок. *«Ограниченность/выход за пределы инструкции»* отражал один из важнейших показателей развития — стремление выйти за актуальные ограничения. Здесь тоже было пять градаций, от ответа на меньшую часть вопросов из инструкции до обозначения жизненной позиции. Следующий содержательный параметр — *«Обоснованность картины будущего»* указывал на адекватность притязаний, варьируя от нереальных претензий (жизнь в США, Париже, на Гавайях, муж олигарх, миллионы и т.п.) до высоких и обоснованных пре-

тензий. «Ведущий уровень ценностей» категоризировался следующим образом: 1 уровень — материальный: жильё, деньги; 2 — социальный: социальный статус обозначен (психолог, министр, модель, олигарх, жена олигарха), есть ответ на вопрос о браке и детях; 3 — духовный эгоцентрический: творчество, саморазвитие; 4 — духовный альтруистический: спасти мир, всех вылечить, убить всех уроков и т.п.; 5 — все четыре уровня.

В данной статье представляется базовый аспект нашего исследования — эмпирическая верификация теоретической модели личности подростка в контексте образа идеального взрослого. Для этого использовались методы семантического дифференциала и построения семантических пространств, в психологии предложенные В.Ф. Петренко [7].

Испытуемым предлагалось с помощью личностного семантического дифференциала, предложенного В.П. Серкиным [9], в котором по семибалльной шкале предлагалось оценить 21 биполярную характеристику таких образов, как «Я», «Реальный [знакомый симпатичный] взрослый» и «Идеальный взрослый». При этом подчёркивалось, что описывать надо взрослого своего пола, а в бланках соблюдались родовые окончания.

Кратко напомним, что факторный анализ при большом количестве переменных позволяет выявить множественные связи между ними, объединяя в факторы, наиболее тесно связанные. Внутри фактора это целостное взаимное влияние определяется конкретнее, содержанием входящих в него критериев. Проще говоря, факторный анализ позволяет структурировать целостность. Опыт таких исследователей, как В.Ф. Петренко [7], А.Г. Шмелев [12], В.П. Серкин [9] и других свидетельствует, что получаемые таким способом модели сознания обычно оказываются весьма адекватными.

Описание факторизации (процесса построения модели)

Использовался факторный анализ по методу главных компонент в соответствующем модуле программы Statistica 5.5. Количество факторов в анализе не ограничивалось. Оптимальное их число после построения первоначальной факторной модели определялось по графику «каменистой осыпи», наглядно показывающему, после какого предела увеличение количества факторов уже не приводит к повышению качества модели.

Путём перебора вариантов выбиралась такая факторная модель, которая бы обеспечивала наи-

большой процент объясняемой дисперсии. Таким оказался способ «поворота» Varimax normalized. Этот вариант, кроме того, даёт наибольшую возможную равномерность распределения переменных по факторам.

Далее выделялись шкалы семантического дифференциала, которые с одинаково высокими нагрузками входили в два и более фактора. Они исключались, и анализ повторялся заново, так как изменялась вся модель. В конечном счёте остались те шкалы (критерии), которые на основании доминирования нагрузок по одному из факторов можно было чётко к ним отнести. Выбранный нами метод анализа главных компонент предполагает, что все факторы по отношению друг к другу ортогональны, или, другими словами, независимы, их корреляция друг с другом нулевая и они содержательно независимы.

В ходе построения модели было отброшено шесть шкал семантического дифференциала. Остальные пятнадцать чётко объединились в четыре фактора, вместе описывающие 51 процент дисперсии. Такой показатель является приемлемым, хотя и не слишком высоким. Очевидно, он свидетельствует об определённой противоречивости представлений подростков. Во всяком случае при дальнейшем отбросе шкал процент объясняемой дисперсии уменьшался. Перебор всех вариантов вращения позволяет утверждать, что полученная модель является лучшей из возможных. Для достижения целей нашей работы это означает, что следует особое внимание уделить верификации факторной модели путём её сопоставления с данными, полученными другими способами. Тем не менее, факторная модель является основой всего дальнейшего анализа, придавая ему структурированность.

Описание факторной модели

Следует отметить, что для удобства представления результатов мы поменяли полярность тех шкал, что вошли в фактор с отрицательными нагрузками. Поэтому в дальнейшем описании факторов мы будем приводить названия правых полюсов шкал семантического дифференциала и соответствующие им положительные нагрузки в скобках — они дают представление о силе вклада каждой из переменных в фактор и позволяют определить его обобщённое содержание.

В первый фактор вошли шесть шкал семантического дифференциала, которые вместе описывают 15 процентов общей дисперсии: *решительный* (0,67), *независимый* (0,62), *деятельный* (0,54),

уверенный (0,54), самостоятельный (0,54), справедливый (0,52). Как можно заметить, соответствующие свойства личности в психологии традиционно относят к волевым. Мы назвали этот фактор словом из подросткового сленга «Крутизна».

Второй фактор объясняет 10 процентов общей дисперсии и содержит три шкалы: *расслабленный* (0,70), *спокойный* (0,68), *невозмутимый* (0,60). На наш взгляд, адекватным названием для данного фактора будет «Уверенность», проявлениями которой является вышеприведённые эпитеты.

Третий фактор, который объясняет 14 процентов общей дисперсии, также содержит три переменных: *молчаливый* (0,70), *нелюдимый* (0,69), *замкнутый* (0,68). То, что всего три переменных объясняют почти такой же процент дисперсии, как и первый фактор из шести переменных, указывает на значимость этих характеристик для подростков. Это позволяет сделать предварительный вывод об актуальности для них взаимодействия/невзаимодействия с миром (социумом) и опираться на это в дальнейшем анализе. Поскольку факторные нагрузки всех характеристик близки, для названия фактора подошло бы название любой из них, мы выбрали «Замкнутость» как наиболее отражающее сущность фактора.

Четвёртый фактор, 12 процентов общей дисперсии, составили такие шкалы, как *отзывчивый* (0,65), *уступчивый* (0,67), *дружелюбный* (0,65). На первый взгляд может показаться, что они противоположны характеристикам первого фактора, но напомним, что в факторных моделях на основе метода главных компонент все факторы независимы (ортогональны) по отношению друг к другу. Чтобы подчеркнуть это, мы назвали четвёртый фактор «Добродушие».

С целью верификации факторной модели был выполнен корреляционный анализ факторных оценок со шкалами (октантами) опросника ДМО. При этом обнаружено, что в оценке Я-реального фактор «Крутизна» достоверно положительно связан с первым ($r = 0,24$; $p < 0,001$) и вторым ($r = 0,18$; $p = 0,006$) октантами ДМО (Я-реальное), отрицательно — с пятым ($r = -0,19$; $p = 0,002$) и почти достоверно — с шестым ($r = -0,12$; $p = 0,058$). То есть чем большие факторные оценки испытуемых по шкалам семантического дифференциала, входящим в фактор «Крутизна», тем выше они оценивают себя в ДМО как авторитарных, независимых и меньше — как подчиняемых и зависимых.

Фактор «Замкнутость» достоверно отрицательно связан с первым октантом ДМО ($r = -0,26$;

$p < 0,001$), положительно — с четвёртым ($r = 0,14$; $p = 0,028$) и пятым ($r = 0,17$; $p = 0,007$), почти достоверно и отрицательно — с седьмым ($r = -0,11$; $p = 0,098$). То есть чем выше оценки по шкалам «молчаливый», «нелюдимый», «замкнутый» семантического дифференциала, тем в большей степени испытуемые оценивают себя по ДМО как подозрительных, скептических и недоверчивых, подчиняемых и застенчивых и в меньшей мере — как авторитарных и дружелюбных. Действительно, ДМО измеряет и авторитарность, и дружелюбие как проявленную в отношениях черту (утверждения этих октантов касаются преимущественно поведения). Естественно, что стремление избегать социального взаимодействия связано с ними отрицательно.

Шесть из восьми октантов ДМО достоверно связаны с фактором «Добродушие», отрицательно — первый ($r = -0,16$; $p = 0,013$) и второй ($r = -0,26$; $p < 0,001$), положительно — с пятым ($r = 0,29$; $p < 0,001$), шестым ($r = 0,26$; $p < 0,001$), седьмым ($r = 0,26$; $p < 0,001$) и восьмым ($r = 0,27$; $p < 0,001$). То есть чем ближе оценки себя в семантическом дифференциале к полюсам «отзывчивый», «уступчивый» и «дружелюбный», тем в большей степени по утверждениям ДМО они оценивают себя как подчиняемых, зависимых, конвенциальных и альтруистичных и меньше — как авторитарных и эгоистических.

На наш взгляд, этих результатов достаточно, чтобы подтвердить её адекватность. Рассмотренные параметры ментальной репрезентации образа себя, измеренные разными способами, совпадают и соответствуют нормативной интерпретации ДМО.

Однако в достоверных корреляционных связях ДМО и фактора «Уверенность» обнаружен необычный факт. Он достоверно отрицательно коррелирует со всеми октантами ДМО Я-реальное, уровни значимости от $p = 0,039$ до $p < 0,001$.

Опросник «Диагностика межличностных отношений» — «Интерперсональный тест» Т. Лири в адаптации Л. Собчик — в течение последних почти тридцати лет один из самых используемых в практике и в исследованиях. Давно установлено, что между всеми октантами ДМО существуют содержательные различия. Это подтверждается и нашими результатами корреляционного анализа. Остаётся констатировать, что чем больше подростки оценивают себя в семантическом дифференциале как «расслабленных», «спокойных» и «невозмутимых», тем меньшее количество утверждений в ДМО они относят к себе, независимо от

их содержания. Интерпретации этого факта могут быть самыми разными. В контексте остальных наших результатов мы предполагаем, что высокие оценки по фактору «Уверенность» имеют те испытуемые, для которых рефлексия собственного образа является не слишком актуальной. Представляется, что здесь проявилась известная закономерность — к самопознанию человека толкает дискомфорт. Видимо, в подростковом возрасте и в отношении себя это проявляется особенно явно — кроме описанных, обнаружена только одна достоверная корреляция «Уверенности» с первым октантом («Авторитарность») ДМО ($r = -0,14$; $p = 0,032$) при оценке образа реального взрослого. Коэффициенты корреляции «Уверенности» с тремя октантами ДМО в образе идеального взрослого, почти достигающие критических значений, положительны. То есть фактор «Уверенность», по крайней мере, у подростков и по отношению к себе имеет ещё и своеобразное «антирефлексивное» содержание.

Ментальная репрезентация образов в семантическом пространстве

Объём данной статьи не позволяет привести данные о гендерных различиях, поэтому здесь мы представляем ту часть результатов, в которых они не проявляются существенно. Описываемые ниже закономерности являются общими для юношей и девушек. Это подтверждается относительной близостью представляемых здесь общевыборочных факторных координат с дифференцированными по возрасту и полу.

Далее результаты мы представим в виде так называемых семантических пространств. Для каждого из испытуемых была подсчитана его оценка по каждому из четырёх факторов. Здесь следует подчеркнуть, что факторные оценки являются условными единицами, уместными только для данной модели и не сопоставимые напрямую с линейными шкалами. Тем не менее, графически можно достаточно чётко показать, насколько отличаются среднегрупповые оценки друг от друга по полученным факторам — это выражается в их удалённости или близости друг от друга на факторных диаграммах.

Здесь мы рассмотрим среднегрупповые по всей выборке оценки. Они дают представление об общей для всех испытуемых подростков структуре представлений образа идеального взрослого в сопоставлении с другими образами — «Я» и «Реальный взрослый», причём дифференцированно по полу.

На следующей диаграмме представлены средневывборочные оценки по факторам 1 и 3 (рис. 1), их содержание раскрывается в названиях шкал семантического дифференциала.

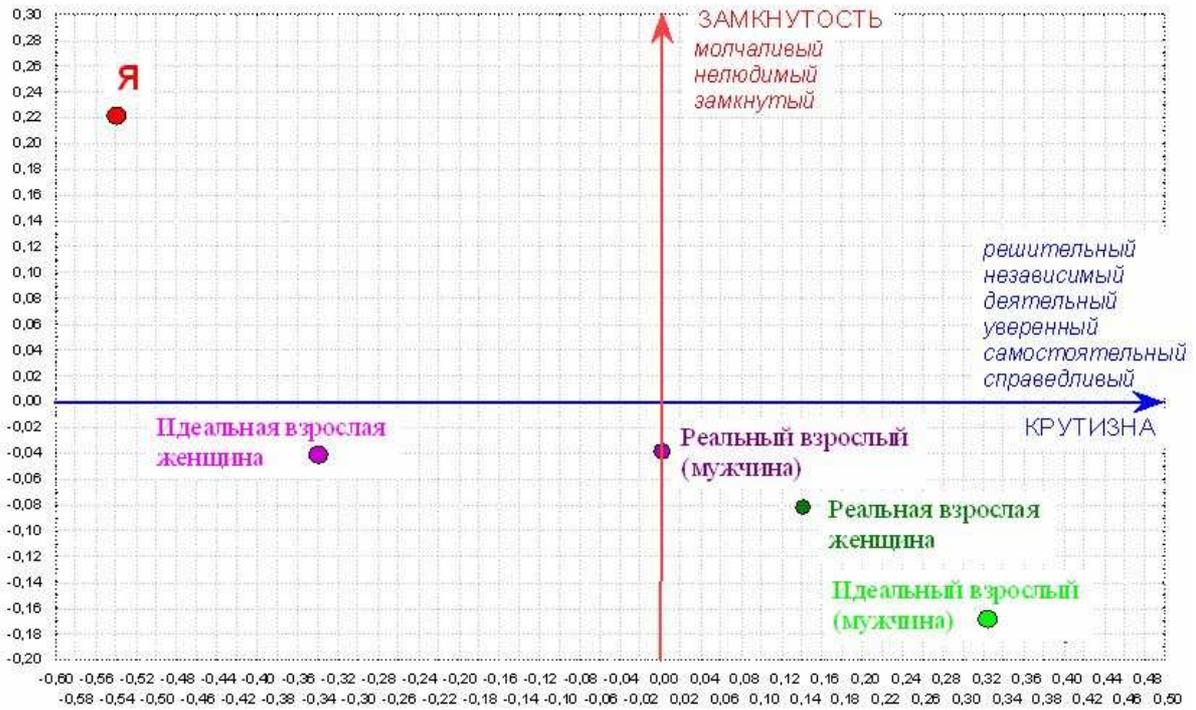
На ней чётко видно, что по обоим факторам образ «Я» противоположен «Идеальному взрослому». То есть испытуемые давали противоположные оценки этим образам во время тестирования. Можно заметить, что между ними практически на одной линии располагаются «Реальная взрослая женщина» и «Реальный взрослый мужчина». Пространственно последние два ближе к «Идеальному взрослому». Несколько в стороне от этой воображаемой линии образ «Идеальной взрослой женщины». Его пространственное положение характеризует «Идеальную женщину» как слабую и более склонную к открытости, чем к замкнутости.

Образ «Я», судя по своему расположению в семантическом пространстве, характеризуется низкой «крутизной» и высокой замкнутостью. Соответственно, образы как реальных, так и идеальных взрослых являются ориентиром их развития в направлении сочетания одновременно «крутизны» и «открытости». Это обобщение в целом соответствует описанным в психологии особенностям подросткового возраста (неустойчивость самооценки, затруднённая социальная коммуникация, робость, наглость и др.) и подтверждает их в контексте нашей темы.

На следующей диаграмме (рис. 2) представлено семантическое пространство, образованное другой парой факторов.

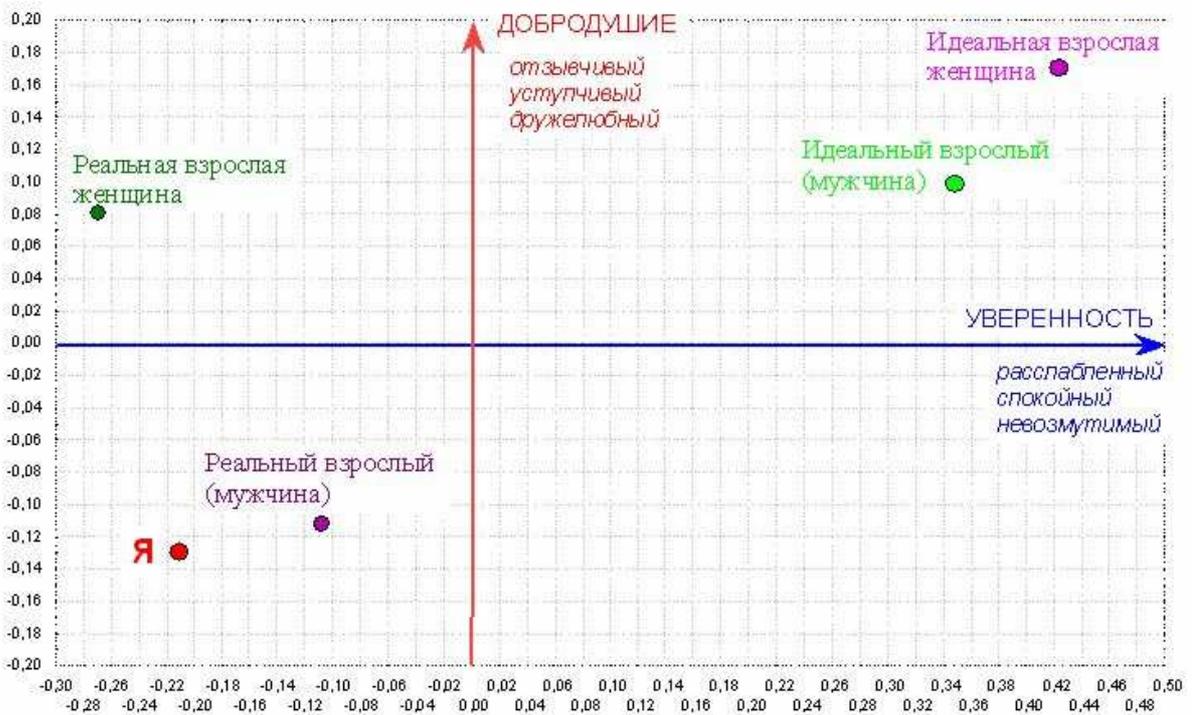
На ней тоже прежде всего привлекает внимание противопоставление на этот раз пар образов. «Я» и «Реальный взрослый мужчина» представляются мало уверенными в себе и скорее склонными к враждебности, чем к добродушию. Образы же идеальных взрослых мужчины и женщины, наоборот, уверены в себе и добродушны. Интересно, что «Реальная взрослая женщина», которой испытуемые симпатизируют, обладает сочетанием таких характеристик, как низкая уверенность и тенденция к высокому добродушию. При этом с образом «Я» она сходна по низкой уверенности и противоположна по добродушию. Подростки относят себя и реального взрослого скорее к враждебным, чем добродушным.

Итак, можно сделать выводы по представляемой части нашего исследования.

Семантическое пространство факторов 1 и 3 в общей выборке

Рис. 1. Среднегрупповые факторные оценки по образам

Семантическое пространство факторов 2 и 4 в общей выборке

Рис. 2. Среднегрупповые факторные оценки по образам

Выводы

1. Представленная факторная модель для изучения образов себя, реального и идеального взрослого подтвердила свою адекватность на основе совпадения с имеющимися теоретическими представлениями и эмпирической верификации.

2. Из четырёх установленных факторов, составляющих модель, один явно выражает волевые свойства, один — типичное эмоциональное состояние, два носят социальный характер, отражая закрытость от социального взаимодействия и его направленность (добродушие). Содержание этих факторов отражает, видимо, структуру представлений, которыми подростки пользуются, оценивая и переживая себя в социальном взаимодействии.

3. Образ «Идеального взрослого» действительно служит ориентиром направления развития подростка. Это направление можно обозначить как движение к большим волевым проявлениям, открытости, уверенности и доброжелательности.

4. Подростки в целом воспринимают себя как противоположность идеальному образу взрослого по всем выделенным факторам. Образы реального взрослого, который симпатичен или эмоционально значим для испытуемых, занимает промежуточное положение, варьируя по отдельным параметрам в зависимости от пола и возраста испытуемых.

Список литературы

1. *Абраменкова В.В.* Подростковая субкультура как пространство самореализации // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 157–189.
2. *Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2004. 421 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
4. *Давидович В.Е.* Теория идеала. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 157 с.
5. *Леонтьев А.А.* Основы теории речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 20–36.
6. *Максименко С.Д.* Генетическая психология. М.: Рефл-бук, 2000. 320 с.
7. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
8. *Сапогова И.А.* Роль взрослого в личностной и профессиональной идентичности подростков // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всерос. съезда психологов: в 8 т.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. Т. 7. С. 50–53.
9. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
10. *Трунов Д.Г.* Уровни вербализации эмоционального опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 1(13). 2013. С. 102–107.
11. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применения). СПб.: Питер Ком, 1998. 608 с.
12. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 156 с.

RESEARCH EXPERIENCE ADULT PERFECT IMAGE IN ADOLESCENCE BY SEMANTIC SPACES

Viktoria I. Zorina

University of Educational Management; 2, Artyema str., Kiev, 04053, Ukraine

The article deals with the influence of the ideal image of adult on personal development of teenager. Research plan and results are presented. The constructing of semantic factor model of the ideal image of adult and its verification is described. The image of the «Perfect adult» is a benchmark for the development of volitional manifestations, openness, confidence and goodwill of teenagers. The first factor of empirical model reflects volitional properties. The second factor reflects typical emotional state. The third and fourth factors reflect social relationship. Features of mental representation of the image of oneself, image of real adult and image of ideal adult and emotional experiences based on them are presented.

Key words: perfect image; personal development of adolescents; factor model; semantic space.